
БЕЗУМИЕ, ТВОРЧЕСТВО И ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ЕЕ ТРАКТОВКА В РАБОТАХ М. ФУКО

Е.Д. Осипова

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется тема безумия и творчества в работах одного из наиболее выдающихся ученых XX в. Мишеля Фуко. Акцент делается на трактовке автором иррациональных моментов человеческого сознания, взаимосвязи безумия и творчества, анализируется отношение к умалишенным в социуме. Фуко не ограничивается описанием данных социальных феноменов, но, будучи историком мысли, подвергает критике представления и понятия, в которых они воплощаются в социальной реальности. В статье рассматриваются идеи Фуко о том, что безумие создается самим обществом, конституируется в общественных практиках и неразрывно связано с творчеством.

Ключевые слова: безумие; иррациональность; психиатрическая клиника; дисциплинарная власть; творчество; современность.

Интерес к теме психических расстройств, иррациональному в человеке и отношению в обществе к людям, по тем или иным признакам отличающимся от большинства, прослеживается во всем творчестве Мишеля Фуко. Особенно интересно отметить, что французский мыслитель по образованию не являлся ни профессиональным медиком, ни психиатром. Был бы вполне понятен интерес врача, которой по мере изучения определенного психического расстройства проникается в этой связи интересом к становлению психиатрии в целом и клиники как таковой. Однако автор рассматривает проблему с неожиданного ракурса: со стороны пациента, более того, с точки зрения человека, самого столкнувшегося с существующими методами лечения.

Фуко доказывает, что современная психиатрия не просто пересмотрела отношение к умственным расстройствам, она в буквальном смысле создала их.

Еще одной характерной чертой, отличающей подход французского мыслителя от всех предшествующих, является восприятие безумия как одной из центральных для изучения общества проблем. Фуко воспринимает психические расстройства как отчуждение в широком смысле слова, как нежелание (а не просто неспособность) существовать во враждебном мире. В таком ракурсе сумасшедший дом превращается из места изоляции, призванного уберечь «нормальное общество» от социально опасных элементов, в «приют для тех, кто не может больше жить в нашей бесчеловечной среде» [б. С. 8], а безумие, или отчуждение в глубоком смысле этого слова, становится основной проблемой антропологии.

В XVII—XVIII вв. не существовало абсолютно никаких различий между безумством и различными формами девиантного поведения, такими как бродяжничество, проституция, занятие алхимией и т.д. В обществе отсутствовала необходимость разделять эти виды поведения и выяснять его причины. Более того, все люди, так или иначе «мешающие» социуму, содержались вместе. В связи с этим

понятия психиатрической клиники как социального института не существовало в принципе, оно возникнет лишь в XIX в.

В своих работах социолог большое внимание уделяет вопросам морали и духовной трансформации общества. Вслед за Ф. Ницше, оказавшим значительное влияние на его творчество, Фуко утверждает, что мораль исторична, зависит от обстоятельств эпохи и временного контекста. Среди множества понятий и символов, формирующих культуру, с точки зрения Фуко немаловажную роль играет опыт психической болезни, который оказывает влияние на восприятие психических расстройств, методы их лечения и отношение к безумным в обществе.

Фуко утверждает, что психиатрия, несмотря на свои притязания строго научной дисциплины, базируется на принципе виновности личности. Человек в представлении этой науки как бы состоит из двух частей: «нормальной» и «безумной». Отсюда возникает тема греха, формируется представление о «дурной и грязной» сущности не только безумца, но и человека априори.

Фуко придерживается противоположного взгляда, по его мнению, безумие — это, безусловно, отклонение от нормального поведения, определенное «социальное дно», однако эта «скрытая» часть всегда присутствует в любой личности, другой вопрос в том, что для ее проявления необходимы определенные внешние и внутренние обстоятельства.

Таким образом, тема иррационального в человеке и социальных отношениях, мотивов поведения, находящихся за гранью традиционного понимания, всевозможных психических отклонений и социальных аномалий становится важнейшей во многих работах Фуко, таких, как «История безумия в классическую эпоху», «Забота о себе. История сексуальности», «Рождение клиники», «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» и других.

Тем не менее, вместе с темой психических расстройств и отклонений Фуко формирует еще одну важную для своего творчества проблему — власть и властные отношения. Его концепция социальной структуры, отраженная в том числе и в книге «История безумия в классическую эпоху», представляет собой глубокое и разностороннее изучение современного общества. Фуко рассматривает не только отношение к людям с психическими отклонениями и рождение клиники как социального института, но и изучает формирование одной из важнейших технологий социального господства — дисциплинарной власти.

По мнению социолога, такой тип властных отношений подразумевает тотальный контроль, а также «власть над живым как биологическим видом» [9]. Господство подобного рода создается и распространяется медленно и незаметно, проникая во все сферы общественной жизни.

В обществе постепенно организуются работные дома для нищих, колледжи, казармы, мануфактуры, то есть организации, распределяющие людей в зависимости от выполняемых ими функций или принудительно организующие их в тех или иных целях. Все эти разнородные организации, имеющие совершенно разные задачи, объединяет несколько важных принципов: замкнутость пространства, единообразный и строгий режим, а также «отделение» или даже изоляция от остальной массы людей.

Принцип дисциплинарности власти определяет каждому человеку строго отведенное место, с помощью которого им легко манипулировать и управлять, так как господство данного вида подразумевает, прежде всего, контроль. Люди не должны быть свободными и принадлежать себе, объединяясь по собственной инициативе, в таком случае исчезает возможность управления ими и удержания в рамках дозволенного. Данное разделение людей по группам позволяет наиболее эффективно их использовать, в этой связи очень важно отделить трудоспособное население от тех, кого использовать в практических целях невозможно. Так появляются сумасшедшие дома и психиатрические клиники, в которых содержится нетрудоспособное и неуправляемое население. Безумные отделяются не просто от остального психически нормального населения, но и от девиантов, которых можно заставить трудиться, тем самым получая от них хоть какую-то выгоду.

Хотя безумцы не представляют для общества никакой пользы, человек, помещенный в замкнутое пространство клиники, несвободен, он обязан подчиняться строгому распорядку дня и выполнять предписания врачей. Таким образом, даже в рамках лечебного заведения, далекого, казалось бы, от отношений господства и подчинения, индивид вовлекается во властные отношения, которые подспудно присутствуют в любом социальном институте и пронизывают всю структуру социальной организации. Фуко в этой связи пишет: «Отныне безумец совершенно свободен — и полностью исключен из сферы свободы» [7].

Таким образом, по мнению французского социолога, с появлением социального института клиники и изменением в обществе отношения к умалишенным произошла коренная социальная трансформация — объективация понятия свободы.

Одновременно с этим процессом совершенно изменяется понимание самой сущности безумия: теперь оно воспринимается как проступок, вина человека, наказание за неспособность полноценно функционировать в социуме.

Теперь, как отмечает мыслитель, на безумца смотрят одновременно и более пристрасно, и более обыденно. Более обыденно, так как с развитием науки и знаний в личности обнаруживаются общие для всего человечества и в этой связи вполне понятные пласты бессознательного, характерные для психики любого индивида. В то же время безумец становится социально нежелательным и даже опасным, потому что разрушает привычную социальную реальность, не отдавая себе в этом отчета. Каждый человек видит в умалишенном угрозу для себя, находит похожие черты, «узнавая его, невозможно не узнать себя, нельзя не услышать, как поднимаются в тебе самом те же голоса и те же силы, те же странные огни» [7]. Именно с этой «скрытой угрозой» разрушения привычной социальной реальности связано то усердие, с которым в современном мире научное знание доказывает, что психические отклонения являются всего лишь предметом психиатрии и не несут в себе отпечатка социальной реальности.

Психическое расстройство в трактовке Фуко является неременным атрибутом цивилизации, свидетельствует о попытке бегства личности от существующего мира, его неуютности. Безумие является крайним проявлением того, до чего может довести жизнь в социуме, страсти, погоня за социальными ценностями, то есть отход от естественного, «первобытного» состояния, в котором общество не ведало этой болезни. Безумие «приходит, когда мир начинает стареть; и каждый из ликов

безумия, сменявших друг друга с течением времени, являет собой форму и истину этой порчи, настигающей мир» [7].

Помешательство выявляет глубинную сущность человека, вскрывает дурные склонности, выводит наружу агрессию, злость, склонность к насилию или, наоборот, страданию. В безумце проявляются качества личности, подавляемые обществом и рамками культуры, та «темная» грань каждого из нас, которая присутствует, но тщательно скрывается и отрицается.

Фуко пишет о том, что существуют такие формы психических отклонений, при которых вспышки безумия возникают лишь кратковременно и человек в принципе не теряет способности к здравому рассуждению и мышлению. Он склонен к краткосрочному припадку, временной потере контроля над собой, буйству и совершению неконтролируемых поступков, по сути это «неуловимая вероятность впасть в наиболее зримую и наихудшую из объективностей, в механическое сцепление безответственных деяний; оно есть неизменно сохраняющаяся внутри человека возможность быть выброшенным вовне себя самого и существовать, по крайней мере в течение некоторого времени, при полном отсутствии внутреннего содержания» [7].

В этом состоянии «временного безумия» заключен очень важный пример трансформации личности. Таким образом, с точки зрения социолога человек может познать свою разумную сущность именно в состоянии безумия.

Несмотря на приведенные выше замечания, в современном мире безумный воспринимается как невиновный априори, его поступки не объясняются никакими причинами, не мотивируются никакими целями, человек считается полностью недееспособным и не несет никакой ответственности за свои действия. С точки зрения Фуко, исцеление от безумия возможно, «подобно тому как болезнь не является совершенной потерей здоровья, безумие не есть абстрактная потеря рассудка» [7].

Раньше считалось, что излечение умалишенного находится в руках другого человека, то есть врача, и заключается, в первую очередь, в подавлении вспышек зла и насилия, искоренении «ложной истины» больного и переходе от отчуждения к состоянию здорового человека. Однако постепенно эта бинарная система безумия, подразумевающая противопоставление истины и заблуждения, света и тьмы, бытия и небытия, дня и ночи сменяется новой трехчленной антропологической структурой, в которой присутствует человек, безумие и истина.

В Средние века любое упоминание о безумии наделялось некоторой романтичностью, поэтичностью, чувством страха. В классическую эпоху сумасшествие становится строго объективированным, получает научную формулировку, «опредмечивается» и пространственно заключается в пределы клиники. С этих самых пор весь налет романтизма и избранности улетучивается, уже не может быть никакой речи о «лирическом узнавании» в безумце признаков «нормальной» личности.

Умственное расстройство получает статус болезни, наделяется медицинским диагнозом и в этой связи утрачивает причинно-следственные связи: нет «виноватых» в этом состоянии человека, как и не существует явных причин зарождения шизофрении, психических расстройств и других душевных заболеваний. Одновременно с этим постановка объективного врачебного диагноза нивелирует нрав-

ственное обвинение, выносимое обществом умалишенному. Четко обозначенное, определенное по точным критериям сообщество безумцев, «древнее, словно сам мир», заключенное в рамки определенного пространства, «лишается голоса, подобно неодушевленным предметам» [7].

В классическую эпоху, как отмечает Фуко, «научное познание испытывало бесконечное удовлетворение: свершившееся правосудие снимало вину с него самого, а безмятежное наблюдение на расстоянии ограждало его от обвинения в свой адрес» [7]. Теперь безумец становится отчужденным, а не помешанным, обитающим в мире, поделенном на две части, в царстве сумасшествия и нормального состояния, дня и ночи. Сущность безумия в конечном итоге ускользает от исследователя, потому что для его осмысления приходится прибегать к логическим структурам, к анализу языка, то есть к мыслительным операциям, которые по своей сути и структуре противоположны маниакальным состояниям и бреду. В силу этих причин безумие, становясь доступным для осмысления, теряет свою природу, «ускользает как собственно безумие» [7].

По мнению автора, в современном мире человек и безумец связаны неразрывными, прочными узами, сильнее, чем в предшествующие эпохи. Появляется абсолютно новая структура опыта: человеку становится доступным истинное бытие, но только в отчужденной форме, в виде безумия и бреда. В конечном итоге у Фуко получается, что психиатрическая лечебница «приковала» к безумцу и человека, и истину.

Помимо психических расстройств и болезней в теме иррационального и неподдающегося логическому анализу внимание французского социолога привлекает тема творчества. В этой связи Фуко анализирует картины Гойи и литературные произведения маркиза де Сада, в которых столкновение с безумием, а также попытки преодолеть его разрушительное воздействие превращаются в центральные проблемы. Эти авторы обращаются не к безумию сумасшедших как таковых, а рассматривают человека, «оказавшегося во тьме». Гойя, например, изображает на своих картинах мифических персонажей, ведьм и в каком-то роде вновь открывает забытые образы безумия.

Однако, как отмечает Фуко, у персонажей Гойи нет истоков, они возникают из ничего, «выделяясь из однообразия ночи, они не несут никаких примет своего происхождения, конечного предела и природы» [7].

В его картинах безумие тесно переплетается с одиночеством, еще одной темой, характерной и для творчества Фуко. Все герои художника совершенно одиноки, а потому беспомощны перед надвигающимся ужасом безумия, перед «неопределенностью хаоса и апокалипсиса» [7]. Де Сад также исследует тему душевного расстройства, мучительных кошмаров и попыток «сохранить себя» в условиях развратного и разнузданного мира. Его творчество направлено против существующей литературы, общественных убеждений, социальных норм, «нормального порядка».

До Гойи и де Сада безумие представляло собой небытие, в их творчестве же оно превращается в силу уничтожения. Благодаря им западный мир получает возможность снова вернуться к трагическому опыту душевных болезней. Другими словами, именно эти авторы, с точки зрения Фуко, способствовали введению «в моду» темы безумия, сделали его решающим моментом любого творчества.

Безумие автора неразрывно связано с его произведением, является его неотъемлемой частью. В их творчестве литературный, художественный язык и бред больного переплетаются между собой так, что уже нельзя отделить одно от другого.

Однако в классическую эпоху творчество и безумие было связано еще одним удивительным образом: они ограничивали друг друга, в определенный момент безумие начинало уничтожать и разрушать произведение искусства, поэтому в чистом виде язык бреда не мог быть творчеством. Таким образом, трактовка Фуко во много отличается от точки зрения исследователей, рассматривавших в своих работах проблему соотношения безумия и художественных произведений. По мнению французского мыслителя, состояние безумия определяет конечную границу творчества, за которой следует уничтожение самого произведения: «Безумие есть абсолютный обрыв творчества; оно образует конститутивный момент того уничтожения произведения, которое во времени служит основанием его истины; оно очерчивает его внешнюю оконечность, линию низвержения в пропасть, черту, за которой начинается пустота» [7].

Большое внимание в работах социолога, помимо анализа безумия и творческих процессов личности, уделяется трактовке истины. В современную социологию Фуко вводит понятие эпистемы, которая представляет собой структуру, обуславливающую собой возможность существования определенных взглядов, концепций, научных теорий в тот или иной исторический период. В этой связи Фуко отказывается от понятия абсолютной истины, поскольку наш образ мыслей всегда зависит от окружающих обстоятельств и ограничен определенным набором эпистем. Другими словами, истина всегда относительна и напрямую зависит от мировоззрения человека.

Одним из ярких примеров, доказывающим это утверждение, является эссе социолога под названием «Это не трубка», посвященное одной из картин бельгийского художника — сюрреалиста Р. Магритта, в котором Фуко доказывает, что все, существующее вокруг человека, даже самое привычное, на самом деле лишь образы предметов, а не сами вещи.

Фуко рассуждает о картине Магритта «Вероломство вещей», на которой изображена курительная трубка, а ниже от руки выведена надпись: «Это не трубка». Фуко отмечает: «Названия, часто придуманные кем-то другим и задним числом, встраиваются в фигуры, и их сцепление... изначально допустимо» [10]. Другими словами, в реальном мире существуют лишь образы вещей, кем-то и когда-то названные «стол», «стул», «трубка». Эти названия передаются из поколения в поколение, однако несут в себе только образ, но не сам предмет, их существование «изначально допустимо», привычно. Над всем человечеством, с точки зрения Фуко, непреодолимо господствует «старинное тождество между сходством и утверждением» [10], именно поэтому картина Магритта кажется абсурдной, хотя, как доказывает это Фуко, ее содержание совершенно справедливо.

Таким образом, реально существующая трубка отсутствует и на рисунке, и в словах. Изображение является симулякром. Надпись, кажущаяся на первый взгляд отрицанием, на самом деле является утверждением этой фикции. «Выбирай, чему верить — словам или тому, что видишь» — эта фраза, по версии Магритта, которую разделяет и Фуко, становится дважды ложной. И слову, и образу в современном кризисном мире одинаково нельзя верить.

В нашу эпоху способность к зрительному восприятию словно отодвигается на второй план, в отличие, например, от умения говорить или писать. Видению не нужно учиться, это свойство дается нам от рождения и поэтому не требует дополнительных усилий, тогда как грамотно говорить и правильно писать мы учимся с детства и на протяжении всей жизни. В «алфавитной цивилизации» существует противостояние понятий «показывать — называть; изображать — говорить; воспроизводить — произносить; имитировать — означать; смотреть — читать» [13], вызванное противоречием между лингвистическими знаками и пластическими элементами изображения. Такая ситуация господствует в западной цивилизации, по мнению Фуко, с XV в.: либо текст определяется изображением, либо изображение — текстом, однако отношения подчинения остаются неизменными. Разрыв с этим принципом совершили, как пишет французский социолог, такие художники, как П. Клее, В.В. Кандинский и Р. Магритт.

Однако в эпоху неопределенности и изменчивости социального мира актер должен изменить свое отношение к знаку и воспринимать его как симулякр, замещение реальности, а не как ее репрезентацию. Как писал У. Эко, «знак — это все, что на основе ранее установленной социальной условности может рассматриваться как стоящее на месте чего-то другого» [12]. Мы привыкли к формализации видимого объекта, другими словами, к тому, что в тексте буква является только условным знаком, существующим только благодаря связи с другими таким же знаками. Фуко устраняет этот предрассудок и убеждает читателя в том, что знак отсылает нас и к смыслу, и к изображению одновременно «...будучи знаком, буква позволяет фиксировать слова; будучи линией, она позволяет изображать вещь» [10].

Таким образом, в небольшом эссе, посвященном картине художника-сюрреалиста, Фуко удается разрушить классическое представление об образе и знаке. В современную эпоху турбулентности знак не может являться адекватным аналогом реальности, он становится лишь симулякром [1. С. 99]. Знаки и смыслы социальной реальности возникают из хаоса и в этот же хаос погружаются, а «изображения перестают быть „невнятной речью“ или пустой игрой значений — они означают намного больше того, что мы готовы понять и принять» [13].

В классической трактовке вся история человечества представляет собой историю развития мысли или историю Разума. Целью работы Фуко становится анализ противоположного антропологического опыта, он исследует проблему безумия, которое крайне сложно актуализировать, так как его выражение происходит на языке разума и от этого сущность психической болезни ускользает от исследователя. Фуко обращает внимание читателя на то, что разум и безумие в классическую эпоху имели единую природу, «единый корень».

Пользуясь языком Фуко, безумие — это дискурс, стремящийся преодолеть разрыв между разумом и неразумием, это своего рода герменевтическая проблема, существующая для наук, изучающих душевные расстройства. Таким образом, мыслитель создает археологическую конструкцию, в которой обозначается пространство возможной интерпретации такого неоднозначного феномена.

Изученная проблема стала центральной для творчества Фуко, именно отношением к безумию как социальному явлению и безумцам как таковым он про-

веряет смысл человеческого существования, гуманность общества, уровень его цивилизованности.

Состояние безумия трактуется им как возможность человека познать самого себя, а, следовательно, как способность к рефлексии. С этим связан исследовательский интерес автора, и именно в этой связи Фуко рассматривает всю историю человечества в качестве истории безумия. Представление о нем, господствующее в обществе, тесно связано с развитием культурного сознания, которое, в свою очередь, зависит от исторического контекста и меняется в рассматриваемом автором промежутке от Средних веков до современного ему периода. Фуко объясняет мир с точки зрения иррационального момента человеческого сознания, подчеркивая тем самым бессосновательность традиционных, рациональных представлений об обществе и человеческой природе, с его точки зрения, быть свободным — это значит не быть рациональным и сознательным.

Таким образом, Фуко заложил основы нового подхода к изучению соотношения рационального и нерационального в человеке, сделав также далеко идущие выводы о структуре личности и собственно природе рациональности, введя понятие эпистемы. С его точки зрения, в каждой конкретной эпохе существует определенный набор эпистем или «проблемных полей», соответствующих культурному уровню, достигнутому этим обществом. Эпистемы образуют единую систему знаний, отражающуюся в речевой практике, а, следовательно, и в сознании людей. «Я полагаю, что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых — нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновластной, такой угрожающей материальности», — пишет Фуко [8]. Он внес вклад в изучение такого сложного и трудно поддающегося исследованию феномена, как безумие, и доказал, что грань, разделяющая «нормальное» и «безумное» состояние, весьма условна и зависит от стереотипных социальных представлений, а в припадке умалишенного содержится проблеск «истины», недоступный обычному человеку.

Кроме того, французский мыслитель в этой связи во многом изменил взгляд на процесс социализации и девиации. Безумие в представленной трактовке уже не выглядит как «кара» или «изъясн», а объясняется психологической неспособностью существовать в обществе и приспособливаться к его условиям. Это своего рода защитный механизм личности, проявляющийся, однако, в искаженной, патологической форме. Следовательно, истоки восприятия данного психологического заболевания необходимо искать в социальных и культурных установках, существующих в обществе и отражающих отношение к личности в целом, а не только к безумию как социальному явлению.

Другими словами, в понимании Фуко восприятие безумия, а также творчества как иррациональных аспектов личности становится показателем того, насколько критичным к самому себе является современное общество, ведь именно эти сферы сознания предоставляют социуму язык, на котором оно говорит о самом себе и своих проблемах.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бронзино Л.Ю.* Постмодернизм: сущностные идеи и их представители // Вестник МГИМО. 2010. № 3.
- [2] *Бронзино Л.Ю.* «Рациональность»: многозначность определений и предпосылки кризиса // Поиск. 2010. № 5.
- [3] *Бронзино Л.Ю.* Симулякр и общество в современной социальной теории // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2006. № 2.
- [4] *Мишель Д.В.* Мишель Фуко как мыслитель и его влияние на современные интеллектуальные направления // Вестник Самарской Гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2007. № 2.
- [5] *Розин В.М.* Опыт гуманитарного изучения творчества (эволюция взглядов М. Фуко) // Общественные науки и современность. 2000. № 3.
- [6] *Сокулер З.А.* Структура субъективности, рисунки на песке и волны времени. Вступительная статья к кн.: *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.
- [7] *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. URL: http://royallib.ru/read/fuko_mishel/istoriya_bezumiya_v_klassicheskuyu_epohu.html#2417368.
- [8] *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=75653/>.
- [9] *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko1.php.
- [10] *Фуко М.* Это не трубка. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko/trubka.php.
- [11] *Фурс В.* Полемика Хабермаса и Фуко и идея критической социальной теории // Логос. 2002. № 2.
- [12] *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.
- [13] *Якимович Е.Б.* Видеть — это не говорить? // Материалы международной научной конференции «Медиафилософия. Границы дисциплины». URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/books/mediaphilosophy_2/.
- [14] *Lester H., Tritter J.Q.* “Listen to My Madness”: Understanding the Experiences of People with Serious Mental Illness // *Sociology of Health and Illness*. 2005. Vol. 27. No. 5.

MADNESS, CREATIVITY AND IRRATIONALITY: THE PROBLEM AND ITS INTERPRETATION IN THE WORKS OF MICHEL FOUCAULT

E.D. Osipova

Sociology Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article examines the theme of madness and creativity in the works of one of the most famous scientists of the XX century — Michel Foucault. The author emphasizes the interpretation of the irrational side of the human consciousness, the relationship of madness and creativity and the way the society treats the insane. Foucault does not only describe these social phenomena, but as a historian of social thought criticizes the ideas and concepts they are socially embodied in. The article focuses on Foucault's idea that madness is created by the society, constituted by the social practices and cannot be separated from creativity.

Key words: madness; irrationality; a psychiatric clinic; disciplinary power; creativity; modernity.

REFERENCES

- [1] *Bronzino L.Ju.* Postmodernizm: sushhnostnye idei i ih predstaviteli // Vestnik MGIMO. 2010. № 3.
- [2] *Bronzino L.Ju.* «Racional'nost'»: mnogoznachnost' opredelenij i predposylki krizisa // Poisk. 2010. № 5.
- [3] *Bronzino L.Ju.* Simuljacr i obshhestvo v sovremennoj social'noj teorii // Vestnik RUDN. Serija «Sociologija». 2006. № 2.
- [4] *Mihel' D.V.* Mishel' Fuko kak myslitel' i ego vlijanie na sovremennye intellektual'nye napravlenija // Vestnik Samarskoj Gumanitarnoj akademii. Serija «Filosofija. Filologija». 2007. № 2.
- [5] *Rozin V.M.* Opyt gumanitarnogo izuchenija tvorchestva (jevoljucija vzgljadov M. Fuko) // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2000. № 3.
- [6] *Sokuler Z.A.* Struktura sub#ektivnosti, risunki na peske i volny vremeni. Vstupitel'naja stat'ja k kn.: Fuko M. Istorija bezumiya v klassicheskuju jepohu. SPb., 1997.
- [7] *Foucault M.* Istorija bezumiya v klassicheskuju jepohu. URL: http://royallib.ru/read/fuko_mishel/istoriya_bezumiya_v_klassicheskuyu_epohu.html#2417368.
- [8] *Foucault M.* Volja k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. URL: <http://www.litmir.net/ br/?b=75653/>.
- [9] *Foucault M.* Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko1.php.
- [10] *Foucault M.* Jeto ne trubka. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko/trubka.php.
- [11] *Furs V.* Polemika Habermasa i Fuko i ideja kriticheskoj social'noj teorii // Logos. 2002. № 2.
- [12] *Eko U.* Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju. SPb., 1998.
- [13] *Yakimovich E.B.* Videt' — eto ne govorit'? // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Mediafilosofija. Granicy discipliny». URK: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/books/mediaphilosophy_2/.
- [14] *Lester H., Tritter J.Q.* “Listen to My Madness”: Understanding the Experiences of People with Serious Mental Illness // Sociology of Health and Illness. 2005. Vol. 27. No. 5.